

О. В. Белугина

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ, ЗАФИКСИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализируется диалектный языковой материал, отражающий лексические особенности традиционного обрядового фольклора приграничных с Белоруссией районов Брянской области. Рассматривается лексика и фразеология наиболее значимых для данного региона обрядов в контексте общероссийских и белорусских культурных традиций.

Ключевые слова: обряд, традиционная культура, календарный фольклор, брянско-гомельское пограничье, лексика, диалекты.

О. Belugina

Language-Specific Calendar Ritual Folklore Texts Fixed on in Southwest Bryansk Region

In the article, dialectal linguistic material that reflects the lexical features of the traditional ritual folklore of the Bryansk region districts bordering on Byelorussia is analyzed. The lexicon and phraseology of the most important for the region rituals in the context of Russian and Byelorussian cultural traditions are considered.

Keywords: ritual, traditional culture, calendar folklore, Bryansk-Gomel frontier, vocabulary, dialects.

Лингвокультурное пространство Брянской области сохраняет многие особенности восточнославянской культуры и является одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, так как в фольклоре Брянщины наиболее полно отражаются архаические элементы традиционной народной духовной культуры, что не может не находить отражения и в языке жителей пограничного с Белоруссией региона. Для реконструкции духовной культуры славян необходимо не только изучение традиций народов в прошлом и современном состояниях, но и учет лингвистических особенностей народных обрядов, так как обрядовая лексика является

не только фактом языка, но и, несомненно, частью национальной культуры.

Поэтому важным представляется диалектологическое исследование ареального распространения отдельных слов и тематических групп, связанных с бытующими на территории брянско-гомельского пограничья традиционными обычаями и обрядами. При этом особое внимание необходимо уделять взаимосвязи языковой и внеязыковой сторон обрядов, а также их этнографической характеристике.

В результате полевых исследований, проводимых при поддержке РГНФ (РГНФ, 2006, № 06-04-90490е/Б «Традиционный фольклор на территории Брянско-Гомель-

ского пограничья в условиях социально-экономических и экологических преобразований в славянских государствах: фольклорно-этнолингвистическое исследование»; грант РГНФ, 2008, № 08-04-90401 а/Б «Современное состояние духовной культуры малых городов Брянско-Гомельского пограничья: традиции и новации»), были выявлены важнейшие элементы обрядовой реальности и основные компоненты в структуре календарных обрядов. Наиболее интересными из названных, бытующих на территории юго-западных районов Брянской области явились святочные обряды и обряды, связанные с празднованием на юго-западе Брянщины Христова Вознесения.

Названия святочных обрядов и обрядовых действий

Терминология, обозначающая святочный период

Зимние святки на территории Брянской области делятся на «*святые вечера*» (с 7 января (Рождество) по 13 января) и «*страшные вечера*» (с 13 по 18 января), их разделяет *Васильев вечер* (по церковному календарю — Василия Кесарийского).

Кроме данных наименований, в качестве синонимичных «*Святкам*» на юго-западной территории Брянщины широко распространены названия, связанные с главным обрядовым действием данного праздника — *колядованием*. Так, весь период с 7 по 19 января называют также «*коляда, коляды*», «*колявы*», «*колодяжи*»:

«*Щодры — адін вѣчар, а каляды двѣ нядѣли ууляють*» (Пыленок Татьяна Федосовна, 1929 г.р., с. Верещаки Новозыбковского района). «*Былі ж каладзяжи давней...*» (Поленок Пелагея Петровна, 1924 г.р., с. Перелазы Красногорского района). «*Калявы — эта ражаство. Эта двѣ нядѣли — калявы*» (Капошко Мария Ивановна, 1925, 4 класса с. Перелазы Красногорского района).

В «Материалах к этнодиалектному словарю Полесских хрононимов» С. М. Толстой хрононим «коляда» имеет следующие значения: «1. Канун Рождества, рождест-

венский сочельник, 24.XII/6.I <...> 2. Праздник Рождество (в противопоставление Новому году и Крещению), отмечаемый обычно три дня: 25–27.XII/7–9.I. Иногда название *Коляда* относится только к первому, главному дню праздника, т. е. к 25.XII/7.I (в таком случае весь трехдневный праздник обычно называется *Кольды, мн.* <...> 3. Святки, две недели рождественских праздников, начинающихся с рождественского сочельника (24.XII/6.I) и оканчивающихся серединой дня, следующего за Крещением 7/20.I) <...> 4. Родовой термин в составных названиях, относящихся к рождественскому или крещенскому сочельнику (т.е. к 24.XII/6.I или 5/18.I) <...> 5. Канун Крещения, 5/18.I <...> 6. То же, что ВВЕДЕНЬЕ, 21.XI/4.XII <...> 7. Ужин в рождественский сочельник <...> 8. Дар хозяина колядникам <...> 9. Песня, исполняемая колядниками <...> 10. Рождественский сноп...» [3, с. 117–22]. На территории юго-западных районов Брянской области данное наименование употребляется во 2, 3, 4, 8 и 9-м значениях и чаще всего — в форме множественного числа: «*Каляды — эта святые вечяра, ничёу ня дѣлали: «Ў каляды вольки рады»*» (Руденок Пелагея Прокофьевна, 1930 г.р., с. Перелазы Красногорского района).

Терминология, связанная с обычаем приготовления ритуальной каши в святочный период

Традиционно в ночь с 6 на 7 января (перед Рождеством), с 13 на 14 января (перед Новым годом по старому стилю — Васильевым вечером) и с 18 на 19 января (перед Рождеством) на территории Брянской области варили и ставили под икону кашу, которая, как и в общероссийской фольклорной традиции, чаще всего называется «*кутья*». «*...кутья — каша, съ сытою, изюмомъ, изъ обдирного ячменя, пшеницы, рису, изъ толстой крупы, приносима въ церковь при поминках и подаваемая за упокойнымъ столомъ, а местами и въ рождественскій сочельникъ<...>*» [2, II, с. 227].

Но встречается и другое ее наименование «гуца»: «*Пэрят Хрящённим (каляда) ни едуть да абэда, вэрять у́щцу, уматывають ў сэна уаршо́к этый и станóвають на куту́. Зде́лан дерявъя́нный хрэстик ў этай у́щце, тады каўда́ на́да вечэ́рять, надяю́ть шубу навё́варат, бяру́ть пўу (кнут), выхо́дять на вўлицу, бяю́ть на варо́там и уаво́рять: «Маро́с, Маро́с, хаді́ у́щцу ёсть. Да лётам ня быва́й, цвятóў ня атбива́й»* (Боровик Анна Прокофьевна, 1935 г.р., с. Перелазы Красногорского района).

В «Словаре русских народных говоров» зафиксировано следующее значение данного существительного: «*Гўца, и, ж. — <...> 6. Каша из ячменя. Холм. Пск., 1852. Новгород. Пск., Тихв. Новг., Волог. // Вареный ячмень. Великолукск. Пск., 1852. Пск. // Толченые размоченные ячменные зерна. Новоторж. Твер., 1931. ♦ Густая каша из ободранных зерен ячменя, обычно с добавлением гороха. Боров. Новг., 1923–928. ♦ Каша из ячменя с горохом. Твер., 1860. Валд. Новгд., Пск. // Кушанье из ячменного зерна [какое?]. Осташк. Твер., 1897. Смол. <...>» [7, VII, с. 251].*

По данным же полевых исследований, в структуре святочного обряда под «*гуцей*» понималась не только ячменная каша, но и каша из любой другой крупы. Такое толкование диалектного наименования дано в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П. А. Расторгуева: «*ГЎШЧА каша: Як наеўся я гушчы [кашы] дак болий ничога и не хочу (Селец)*» [4, с.85].

Первая (рождественская) и третья (крещенская) «кутья» традиционно назывались «*постными*» либо «*скупыми*», а вторая — «*жирной*» или «*скоромной*».

Наблюдается на территории юго-западных районов Брянщины и метонимический перенос названия праздника/обряда на наименование ритуальной каши: «*скоромная каляда*», «*скупая каляда*»:

«*Пэ́рвую ста́вать кутью́, называ́ицца «скупа́я каляда́», скаро́мнага да́вней ня ё́ли (малака́, са́ла). Мы змыва́им крупки, хва-*

со́лики туды́, змы́им и в чуу́нку вэ́рим» (Поленок Пелагея Петровна, 1924 г.р., с. Перелазы Красногорского района). В словаре С.М. Толстой они зафиксированы как «*богатая, ще́драя (ще́дрова/щедро́вная) коляда/кутья*» (канун Нового года), «*голодная*» (канун Крещения) и «*постная коляда/кутья*» (канун Крещения или (реже) канун Рождества) [3, с. 39; 264–266; 64–65; 185–186].

Терминология, сопровождающая обряд колядования и ряженья

На территории большинства районов Брянщины, особенно в ее юго-западной части, колядки исполняются в канун Старого Нового года, что объясняется близостью с Белоруссией. Этот вечер еще называется «*ще́дрым вечером*» или «*ще́драми*», а песни, которые поют в этот вечер, наряду с «*колядками*» исполнители часто называют «*щедровками*» или «*щедриками*». Тематика и содержание данных песен, зафиксированных на территории Брянской области, очень разнообразны. Существуют специальные песни, которые исполняются для хозяина дома, для хозяйки, для богатого человека, для молодой девушки, для парня или мальчика, для маленьких детей. При этом обращение к парню или хозяину дома вполне традиционно: «*соколю*», «*молодец красен*», «*сизарёк*», к девушке же зачастую используется обращение «*панночка*», что отражает тяготение к украинской фольклорной традиции.

Наименование самого обряда обычно мотивировано глаголом «*ходить*» — «*ходить в ще́дры, коляды (или по ще́драм)*», «*хадить ў звязду*», «*ходить засявать*», «*ходить в козу*». Последнее название непосредственно связано с обычаем ряженья и наиболее популярной на территории Брянской области антропоморфной маской козы, которую изготавливали из подручных материалов, либо рядили козой юношу.

Но встречается на приграничной с Белоруссией территории Брянской области и использование маски лошади («*кобылы*»),

при этом выражение «*кобыла пришла*» перешло в разряд идиоматических. Его употребляли применительно к колядующим парням, пришедшим не только с намерением поздравить хозяев с праздником, но и обязательно украсть что-нибудь (и неважно, какую антропоморфную маску — козы или кобылы — они при этом использовали): «*А утрам хаділі ў звязду хлópцы, тыя і кралі, в хату войдуць, так абязательна што-та украдаць. «Пришла кабыла» называлася. Тада хазяин улядзіць, як «кабыла прышла», дак нада улядэць штоб ў прышыіке (кала пэчы ямка выкладана, куды хазяйка блины клóдя) блины ні пакра́лі. Як ухóдзяць яны ў хату: «кабыла ста́ла скака́ць», тады хазяин та́м стана́віўся, стіража́е, што́н ні пакра́лі*» (Поленок Алексей Иванович, 1925 г.р., с. Перелазы Красногорского района).

Терминология, связанная с вечерними посиделками молодежи

Неизменным элементом, сопровождавшим святочные обряды, в деревнях и селах Брянской области (как и в общероссийской, и в белорусской традиции) были молодежные посиделки, на которых обязательно присутствовал гармонист, пелись песни, устраивались танцы. Девушки на таких посиделках «*кумились*». В словаре П. А. Распоргуева: «*КУМИЦА* участвовать в пиршке, своего рода пикнике. Косич: *Идут туда кумиться — жарыть у лясу яешню, пиць и закусываць*; ср. обл. кумиться — становиться кумовьями» [4, с.144]. В описываемом регионе данный обряд мог совершаться и на Троицу, и во время постов: «*Сабіра́ліся дяўчо́нкі, падро́стки. Ё́та сяйча́с падру́шкі, а ра́ньша ку́мы будём. Вышы́ва́лі плато́чки, да́ры́лі: я та́бе сво́й, а ты́ менэ́ сво́й, і мы́ цяпе́рь ку́мы*» (Чернобанова Анна Ивановна, 1927 г. р., с. Манюки Новозыбковского района).

На территории юго-западных районов Брянщины такие вечерние собрания молодежи обычно передавались:

а) наименованиями с корневым морфем *вечер-*, указывающим на время организации

посиделок — «*вечеря*», «*вечеренька*»: «*Я зна́ю, я была́, і хлópцы ужо́е пріхо́дили, уха́жэры на вечэ́рю*» (Ковалева Нина Макаровна, 1932 г.р., с. Верещаки Новозыбковского района); «*На вячэ́рянку ха́дзілі ў Каля́ды, да ў Ма́слянку, ё́та абязательна́*» (Грибачева Александра Васильевна, 1928 г.р., с. Внуковичи Новозыбковского района). В Брянском областном словаре данное слово «вечерня» отмечается только со значением "ужин" [1, с. 48];

б) наименованием с корневым морфем *игр-*, мотивированным глаголом «*играть*» — «*игрище*», причем данное слово служило и названием действий («*А вечером игрыща домаем...*» (Пыленок Татьяна Федосовна, 1929 г.р., с. Верещаки Новозыбковского района), и наименованием места (избы), где собиралась молодежь: «*На́с ско́льки та́м: ти пя́ть, ти ше́сть, ти де́сять — найма́ім ыгу́рыща (хвату́ру), найма́ім гарманіста, ыгу́раім, вэ́чар тарну́імся. Ва́й, шо́ та́м тво́рится!*» (Чварова Елена Егоровна, 1928 г.р., с. Старый Кривец Новозыбковского района). В Брянском областном словаре у данного слова зафиксирован синоним «*гульбище*» — место для гуляния, где собирается молодежь, и само народное гуляние [1, с. 82].

Названия обряда, его участников и действий, отражающих специфику празднования Вознесения Христова

На территории Брянской области, а точнее, в ее юго-западных, граничащих с Белоруссией районах, за данным праздником закрепилось еще и диалектное наименование — «*Ўшестье*»: «*По́сле Па́схи — Ўше́стье. Сяйча́с — ё́та Ва́знесэ́ние, а ра́ньше — Ўше́стье*». (Иващенко Лидия Прохоровна, 1925 г.р., с. Внуковичи Новозыбковского района). Данное название праздника зафиксировано в словаре С.М. Толстой: «*ВШЕ́СТЬЕ*. 1. Праздник Вознесения (четверг на шестой неделе после Пасхи) <...> 2. Канун Вознесения <...> 3. Праздник Сретенье...» [3, с.59]. В исследуемом нами регионе встречается употреб-

ление данного наименования лишь в первом значении.

Опираясь на данные диалектологической картотеки, хранящейся в архиве филиала Брянского государственного университета в г. Новозыбкове, можно проследить связь значения данного слова с диалектным глаголом «*ўшива́цца*», бытующим на территории юго-западных районов Брянской области и имеющим значение: "быстро уходить, убежать": «*Мы сядім, разуавляімси, а тут жб́нка Стяпа́на ў хату ўско́чила, дак ён и ўшы́вса бы́стрынька*» (Пыленок Алексей Иванович, 1925 г.р., с. Перелазы Красногорского района).

Но если глагол в говорах используется обычно в иронических, либо в повелительных контекстах («*Ўшыва́йся атсю́дава, а то ма́тку пазаву́!*» (Грибачева Александра Васильевна, 1928 г.р., с. Внуковичи Новозыбковского района)), то образованное от него существительное *Ўшэстье* встречается в говоре только в качестве диалектного синонима, совпадающего с белорусским и украинским литературным наименованием «вознесения»: «ВОЗНЕС//ЕНИЕ <...> 2. *церк. ушэсце <...>*» [5, с.115–126]; «ВОЗНЕСЕНИЕ — *церк. вшэстя*» [6, с.47].

Терминология, обозначающая обряд, обязательный в процессе празднования Христова Вознесения

Одной из уникальных черт весенней календарной обрядовости юго-запада Брянской области и соседней с ней Гомельской области является обряд, который имеет достаточно четкую структуру:

1-й этап — на первый-второй день Пасхи участники обрядового действия выстраиваются рядами, берут друг друга под руки и со специальными песнями проходят через все поселение к месту, где завершался прошлогодний обряд;

2-й этап — вождение хороводов и исполнение специальных песен в течение всех шести недель после Пасхи;

3-й этап — основное обрядовое действие, осуществляемое непосредственно на

«*Ўшэстье*». Участники вновь выстраиваются в ряды, берут друг друга под руки — причем во главе своеобразной колонны обязательно должны быть ряженые — и с песнями проходят через все поселение. Завершается обряд за пределами населенного пункта, и обязательно в противоположном прошлогоднему месте празднования, где в ржаном поле опускаются в землю завернутые в платочек продукты и/или деньги.

Название данного обряда на российской территории мотивируется глаголом «*водить*» — «*вождение стрелы/хулы/сулы*», которое отражает сам процесс празднования (у белорусов в основе наименования может лежать заключительный этап обряда («закапывание чего-либо в землю») — «*пахавання стралы*», либо оно может быть связано с календарем — «*пахаванне вясны*»).

Под «*стрелой/хулой/сулой*» понимается обычно само обрядовое действие: «*Что́ тако́я стряла́? А ёта ка́уда́ идёш ў кара́оде, лю́ди сцёпливаюцца ад́йн за аднаго́, пад па́шкі бяре́м. Идём на даро́уе и пёсны паём*» (Елисеенко Нина Макаровна, 1937 г.р., с. Верещаки Новозыбковского района).

Но иногда «*стрела*» в рассказах опрашиваемых выступает как символ "*молнии*". Это объясняется внутренней мотивацией обряда: все действия, а особенно проход взявшихся под руки участников, выход шествия за пределы населенного пункта и своеобразное «жертвоприношение», должны были служить неким оберегом поселения от бед, в первую очередь связанных с грозой, с молнией: «*Тады́ иду́ць ў кра́й сяла́, та́м идé рожь пасе́яна калхо́зная, заходзя́ць туды́. А пёрва́ ще, ка́да́ иду́ць, на пярэ́крэстке даро́х, бяру́ць манэ́тку и зарыва́ють, што́п мо́лння ня би́ла. Стряла́ — ё́та ж мо́лння. А па́том иду́ць ў кра́й сяла́, ў жы́та*» (Боровик Анна Прокофьевна, 1935 г. р., с. Перелазы Красногорского района).

Данная мотивация на сегодняшний день является скрытой, так как на вопрос: «Зачем

осуществляются все эти действия?» — практически все респонденты отвечали: «Обычай такой / Для смеха / Чтоб весело было / Так принято / Так всегда делали раньше». Тем не менее внутренний смысл обряда сохраняется в традиционно произносимых в поле заговорах («*Ля́тите стрéлы во́уенные ни на лясá, ни на паля́, ни на землю́, ни на лу́га, ни на людéй. А ля́тите стрéлы во́уянны́е тудá, ўдé люд́и ня хóдють, птíцы ня ля́тають, и зvéри ня бéгають, вóт у землю́ апус́тíтся. Да́й Бо́х ўсéм люд́ям здарóвья, жы́та, пшанíцу, ўся́кую пажнíцу и штобы радíла ўсё*» (Пастушенко Нина Ивановна, 1939 г.р., с. Вихолка, Новозыбковского района)) и особых, исполняемых лишь в течение сорока дней песнях, которые называются «стрельными» (*О́й, ля́тí, стря́ла, ўдо́ль ся́ла, // Ни мина́й, стря́ла, кра́йни́ца двара́, // Ты ж убíй, стря́ла, дóбра мо́лайдца, // Дóбра мо́лайдца, ма́йуб мíлаца. // Па то́м мо́лайдцу не́каму пла́кать: // Ся́стра ма́ленька, ма́мка ста́ренька. // А я мо́лада в кара́от пайдú // Сóбе трéх пайдú...» (Ковалева Анна Захаровна, 1929 г.р., д. Мало-Удэбное, Гордеевского района)).*

Терминология, обозначающая участников обряда

Обязательным элементом данного обряда является ряженье. Обычно это мужчина, переодетый в женщину, и/или, наоборот — женщина — в мужчину, при этом наблюдается шуточное подчеркивание физиологич-

ческой принадлежности к тому или иному полу (грудь у мужчины и т.п.). В настоящее время функция ряженных — только развлекательная: они идут впереди колонны, веселят вышедших посмотреть на процессию, дразнят детей, в ряде населенных пунктов они также собирают выносимые жителями деревни при приближении «стрелы» продукты и деньги.

Называться ряженые могут по-разному: «барыня», «старец/старчиха», «цыган». А при употреблении с глаголом «водить» наименование ряженных зачастую переносится на наименование обряда в целом: «Стря́ла — э́та в Бабо́вичах, а у нас э́та ня во́дють. У нас на Уше́стье ба́рыню или цы́гуана ва́дiли. Ва́дiли харавóды, мы с хвёрмы начнём — ат кра́я да кра́я» (Павленко Антонина Максимовна, 1946 г. р., с. Внуковичи Новозыбковского района).

Таким образом, анализ собранного материала показал, что лингвокультурное пространство Брянской области, уходящее своими корнями в глубокое прошлое, сохраняет многочисленные реликтовые особенности общеславянской и восточнославянской культуры. Являясь одним из самых интересных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, Брянщина наиболее полно сохранила в различных проявлениях архаические элементы традиционной народной, духовной и материальной культуры. Все это находит отражение и в языке жителей пограничного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брянский областной словарь / Под ред. Н. И. Курганской. Брянск, 2007. 381 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1995. Т. 1–4.
3. Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
4. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
5. Русско-белорусский словарь: В 2 т. Т. 1 А-О / АН БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа / Под ред. Атраховича К. К., Крапива К. Минск: Белорус. сов. энциклопедия, 1982. 640 с.
6. Русско-украинский словарь / Под ред. М. Я. Калинович. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1962. 803 с.
7. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова. Л./СПб.: Наука, 1965–2011. Вып. 1–44.

REFERENCES

1. Brjanskij oblastnoj slovar' / Pod red. N. I. Kurganskoj. Brjansk, 2007. 381 s.
2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. M.: Terra, 1995. T. 1–4.
3. Tolstaja S. M. Polesskij narodnyj kalendar'. M.: Indrik, 2005. 600 s.
4. Rastorguev P. A. Slovar' narodnyh govorov Zapadnoj Brjanshchiny. Minsk: Nauka i tehnika, 1973. 296 s.
5. Russko-beloruskij slovar': V 2 t. T. 1 A–O / AN BSSR, In-t jazykoznanija im. Ja. Kolasa / Pod red. Atrahovicha K. K., Krapiva K. Minsk.: Belorus. sov. enciklopedija, 1982. 640 s.
6. Russko-ukrainskij slovar' / Pod red. M. Ja. Kalinovich. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk Ukrainskoj SSR, 1962. 803 s.
7. Slovar' russkih narodnyh govorov / Pod red. F. P. Filina, F. P. Sorokaletova. L./SPb.: Nauka, 1965–2011. Вып. 1–44.

Е. А. Ивлиева

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСПАНСКОЙ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Статья посвящена актуальной проблеме изучения механизмов формирования компьютерной лексики в испанском языке, в контексте решения которой раскрываются особенности образования терминов в рассматриваемой предметной области. Выявляются не только особенности формирования компьютерной терминологии в испанском языке, но и осуществляется анализ факторов и причин их проявления.

Ключевые слова: информатика, термин, калькирование, метафора, коннотация, модель.

E. Ivlieva

Features of the Formation of Spanish Computer Terminology

The article is devoted to the study of mechanisms of the formation of computer lexicon in Spanish. An analysis of factors and reasons of its specific features is carried out.

Keywords: computer science, term, metaphor, calking, connotation, model.

Испанская компьютерная терминология зародилась в середине XX века как компиляция терминов различных смежных наук. Основное пополнение и развитие компьютерной лексики осуществилось в начале 1990-х годов, в основном, в результате переводческого контакта с США и англоговорящими странами и продолжает пополняться новыми современными терминами.

Важной особенностью формирования компьютерной терминологии испанского языка является ее зарождение на англоамериканской почве, что нашло выражение в большом количестве заимствованной лексики из английского языка.

Заемствованные слова из английского языка, которые внедряются в структуру другого языка и оказывают влияние на всех значимых языковых уровнях, принято называть англицизмами. «Англицизм — это прямое или косвенное влияние английского языка на фонетические, лексические и синтаксические структуры другого языка» [2, с. 16]. Под этим термином обычно понимаются различные заимствования из английского языка: прямые заимствования, семантические и словообразовательные кальки, окказиональные термины и обороты. В процессе исследования было выявлено, что все причины проникновения англицизмов в компь-